

ной жаждой приобретения, то Бог воздвигнул в наше время священные войны, чтобы дать новые средства спасения и рыцарям, и народам, которые, по примеру древних язычников, раздирали друг друга и избивали, и не вынуждать их, для отречения от света, к посвящению себя, по принятому обычаю, монастырской жизни или другим религиозным обязанностям; таким образом, оставаясь при своих привычках и исполняя обычные должности, люди могли до некоторой степени заслужить Божеское благоволение. Вследствие подобных внушений Бога мы и видели, как взволновались все нации и, закрыв свое сердце для всех других влияний привычки и привязанности, удалились в изгнание, чтобы ниспровергнуть врагов имени Христа и выйти из латинского круга (*orbem latinum excedere*) и из пределов известной земли, притом с таким жаром и радостью, какие никогда не обнаруживаются людьми, отправляющимися на пиршество или торжественный праздник. Никто не обращал внимания ни на почести знатных, ни на владение замками и городами; пренебрегали самыми красивыми женщинами, как засохшим и безжизненным цветком; залогом брака, в прежнее время более ценные самых дорогих камней, становились предметом отвращения; и при этом внезапном изменении воли каждый охотно предавался предпринятию, к которому никто не мог принудить силой, ни склонить убеждением. Ни один духовный не имел надобности говорить в церквах, чтобы воодушевлять народ к походу, ибо каждый давал обет отправиться в путь дома или на улице и ободрял других своими речами и примером. Все выражали один и тот же жар, и люди, лишенные всяких средств, по-видимому, находили их так же легко, как и те, которые, продав свои огромные имущества и долгим временем накопленные богатства, запасались большими средствами. Так исполнялись со всей точностью слова Соломона: «Саранча не имеет царя, а ходит строем» (Прит., XXX, 27). Оставаясь в своей неправде окоченелой и застывшей, она не может сделать ни скачка, ни другого доброго дела; но пригретая лучом солнца правды, саранча пускается летом вследствие одного природного побуждения,

Монета императора Генриха V (1106–1125 гг.)

оставляет отеческий дом и семью и, очищаясь новыми помыслами, принимает новые нравы. И у них (то есть крестоносцев) не было короля, ибо всякий верный считал Бога своим руководителем и смотрел на себя, как на его союзника; никто не сомневался в том, что Господь ему предшествует; поздравляли себя с тем, что путь предпринимается по его воле и вдохновению, и радовались в надежде иметь Господа помощником и утешителем в нужде. То движение инстинкта, которое побуждает саранчу выходить толпами, чем оно может быть у людей, как не добровольным стремлением, которое направляет многочисленнейшие народы к преследованию одной и той же цели? Хотя, по-видимому, приглашения со стороны апостольского престола были обращены исключительно к народу франков, но какой народ, живущий под христианским законом, не выступил толпами, и, считая себя наравне с франками обязанным перед Богом, не употребил всех усилий для присоединения к ним и участия в их опасностях? Тут видели и шотландцев, свирепых у себя, но не знавших внешней войны, с голыми ногами, облеченных в шерстяную хламиду, с котомкой за плечами; они явились толпой от пределов своей туманной родины, и эти люди, оружие которых возбуждало смех по сравнению с нашим, спешили к нам помочь своей вере и исполнить обет. Клянусь Богом, я слышал, что в одну из наших гаваней прибыли люди какой-то неизвестной варварской нации, говорившие языком до того непонятным, что они, не имея возможности объясниться, складывали пальцы в форме креста, чтобы тем дать понять, что и они намерены отправиться в поход за дело